

Анастасия Строкина
Бусина карманного карлика

История первая
У каждого своя печаль

Лилле – не просто пёс, а очень даже необычный пёс, о котором здесь, в маленьком северном городе, знает каждый. Он родился в семье лайки, во дворе у господина и госпожи Пеберкаде, которые приехали сюда из Дании. Они-то и назвали щенка по-датски: Лилле-Хун-Хель. Но это многозначительное имя показалось всем слишком длинным, и его сократили до первого слова – Лилле. Поначалу он был самым обыкновенным щенком, но потом – из щенячьего интереса – убежал в лес, и там, как рассказывают, случайно съел заколдованный мухомор, и от этого стал расти в длину. Кто и как заколдовал этот злополучный мухомор – точно не известно, только через три месяца Лилле так вырос, что перестал помещаться в скромном дворике Пеберкаде, и ему пришлось перебраться на улицу. Но даже улица вскоре оказалась короткой для Лилле. Когда он сворачивал за угол, его голова и передние лапы шли по одной улице, а хвост и задние – ещё долго шли по другой... А что творилось, если Лилле решался перейти дорогу! Бедный пёс совсем отчаялся и не знал, как ему быть, ведь он мешал взрослым ходить на работу, а детям – в школу. У кого бы он ни спрашивал совета, никто толком ничего ему не отвечал. Да и что в таком странном случае можно посоветовать? В то утро он почувствовал себя особенно одиноким, таким одиноким, что подошёл к Вере, сидевшей на качелях, вздохнул и спросил:

– Что же мне делать с моей ужасной длиной?

– Во-первых, не с ужасной, а с необычной! – ответила Вера.

Она родилась здесь, за полярным кругом, и жила в невысоком домике, который смотрел на лес. Конечно, Вера жила не одна, а с родителями и сестрой Варей. Больше всего ей нравилось, когда в её родной городок приходил полярный день, круглые сутки было светло и можно было гулять хоть всю ночь напролёт. Тогда они с Варей доходили до самой реки и устраивали там «ночник». Это как пикник, только ночью – всё равно она ясная, дневная.

Вера и Варя казались такими непохожими, что никто никогда бы не назвал их сёстрами! У Веры – короткие каштановые волосы, у Вари – длинные и светлые, Вера

любила сидеть и думать, а Варя – бегать и напевать мелодии, Вера мечтала открыть далёкий необитаемый остров, а Варя – построить дом и позвать туда всех друзей, чтобы они веселились, пели и рассказывали смешные истории. Но вдвоём им всегда было о чём поговорить или помолчать.

Каждую зиму они строили во дворе ледяной маяк. Конечно, взрослые им в этом помогали, хотя и не понимали, зачем это девочкам понадобился маяк, когда все всегда лепят зимой снежных баб. И всё-таки до самой весны стоял он – сияющий, гордый, высокий маяк – как напоминание о дальних странах и тёплых морях. И каждый год в тот маяк приходил никому не видимый маленький обитатель. Никто никогда с ним не разговаривал, но все – даже взрослые – втайне надеялись, что он приносит удачу.

Лилле поднял голову, и большая снежинка упала ему на нос.

– А что во-вторых? – спросил он.

Но Вера молчала.

– Так что, ты говоришь, во-вторых?

Лилле снова не дождался ответа и внимательно посмотрел на девочку:

– Тебе грустно?

– Ещё как, – прошептала Вера и рассказала, что Варя заболела, что приходил доктор и ничем не помог, а у неё сильный-пресильный жар.

– Хм-м-м... заболела, – задумался Лилле. – Но она ведь скоро поправится?

Вера пожала плечами, и пёс решил, что ей, должно быть, сейчас очень тоскливо. Он вспомнил, как Вера и Варя – всегда вместе – играли с ним, угощали его сливочным печеньем, мохнатыми щётками смахивали снег с его длинной спины, а на ночь укрывали клетчатым пледом. Вспомнил, как они втроём задирали головы и долго-долго любовались северным сиянием и как потом кружилась голова, а перед глазами плыли цветные пятна.

– Варя ведь скоро поправится? – с беспокойством переспросил он.

Лилле думал теперь только о том, как бы помочь Варе. Он даже забыл о своём утреннем одиночестве и решении навсегда покинуть родной городок, где он всем мешает.

Вера подняла воротник пальто и спрятала в него голову.

– Не знаю! – пробубнила она из воротника. – Этого даже доктор не знает! А у него белый халат, и он учился в университете!

Она обязательно поправится, – уверенно заявил Лилле и даже гавкнул.

– Я боюсь, что он не простит меня и не вернёт Варю.

– Кто «он»? – удивился пёс. – За что не простит?

Но не успела Вера ответить, как Большая Северная Птичка спустилась с ветки прямо на хвост Лилле.

История вторая

Птичка

– Привет, ребята. Ух и снега сегодня навалило!..

Птичка принялась топтаться на хвосте, отряхиваясь от снега и пытаясь устроиться поудобнее. Нельзя сказать, что она была лёгкая как пушинка, – напротив, сухие тонкие ветки ломались под ней, а с крепких сыпались комья снега. Иногда – на прохожих. Её бы, наверное, и звали как-нибудь по-другому, как-нибудь серьезнее, если бы один мальчик не сказал однажды, глядя на неё: «Вот это птичка!» С тех пор это имя и осталось за ней. Она была похожа на колобок, скатанный из снега: белая-белая, круглая-круглая. Иногда могло показаться, что это не Птичка летит, а луна, у которой вдруг выросли крылья. Глаза у Птички чёрные, будто вырезанные из бархатной ткани. Она давно привыкла к людям и даже забыла, как её родители – полярные куропатки – боялись их. Настолько ей понравилось в городе, что она повадилась каждую осень сидеть на школьном подоконнике – пока ещё не так холодно и лапки не примерзают к железу. Там, на подоконнике, она внимательно слушала учителей и старалась запоминать всё, что они говорили. Наверное, поэтому Птичка считала себя не просто куропаткой, а учёной куропаткой и к месту и не к месту повторяла умные, услышанные с подоконника слова. Никто на это уже не обращал внимания и не поправлял её: разве переубедишь Большую Северную Птичку?

Лилле, конечно, почувствовал, как она уселась ему на хвост, но даже не повернул головы: так ему интересно было узнать, что же случилось и кто это не простит Веру. А Вера и вовсе не заметила Птичку: хвост Лилле, на который та уселась, был слишком далеко – на другом конце улицы. Птичке такой приём не понравился. Она вспорхнула... хотя нет, она раскачалась на хвосте и взлетела, чтобы приземлиться поближе к Вере и Лилле – на спину псу.

– Вот и я! Привет ещё раз, если вы не слышали!

В ответ Вера и Лилле только вздохнули. Но Птичка не унималась:

– Эй, чего это вы такие кислые? Вот понимаю, я: летала всю ночь не покладая крыл, с тяжёлой думой о тяжёлом...

– Видимо, поэтому стала ещё тяжелее, – проворчал Лилле, переминаясь с лапы на лапу.

– Ты медвежествен и необразован! – возмутилась Птичка. – Как можно так разговаривать с дамой?

– Не до того сейчас! – насупился Лилле. – Разве ты не видишь? У Веры беда!

– Всё я вижу. Я и прилетела узнать, что стряслось.

– Варя заболела. У неё жар. И я боюсь. – Вера высунулась из воротника и посмотрела на Птичку. – Я боюсь, что она не поправится, потому что бородач не простит меня.

На этих словах Птичка с важным видом подняла крыло и сказала:

– Так-так... дело начинает проясняться...

– Или наоборот – запутываться, – вздохнул Лилле.

История третья

Бородач

– Итак, что мы имеем? – рассуждала Птичка. – Бородач... Что это ещё? Хм-м... Это же трава такая, насколько мне известно, – а всем известно, что мне известно...

– Да, да, – перебил её Лилле, – известно, что ты всё знаешь. Только сейчас дай сказать Вере!

Птичка недовольно хмыкнула, но в глубине души всё же была польщена: слава о её образованности достигла ушей даже «глупого пса». Вера закусил губу и пристально посмотрела сначала на Птичку, потом на Лилле. Видно было, что она хочет сообщить нечто очень важное.

– Я, конечно, не уверена, – начала она шёпотом, – но мне кажется, Варина болезнь – его рук дело.

– Чьих? – в один голос переспросили Лилле и Птичка.

– Его, – ответила Вера. – Бородача. Карманного карлика.

Она стала говорить совсем тихо, чтобы никто посторонний ничего не услышал. Лилле и Птичка придвинулись к ней поближе и прислушались.

– Дело в том, – продолжала Вера, – что у Вари есть платье с большим карманом слева. Так вот, на этом кармане вышит бородач карлик.

– Ты что же, хочешь сказать, что во всём виновата вышивка? – недоумевала Птичка.

– Подожди, Птичка, – буркнул Лилле. – Дай дослушать.

– Это не просто вышивка! – воскликнула Вера. – Это настоящий карлик! Живой!

– Да ну! – не поверила Птичка.

– Правда-правда! У него в руках была чёрная бусина. Однажды мы с Варей играли. Знаете, есть такая игра, когда прячешь что-нибудь ценное, ну, так, чтоб никто не нашёл. Я оторвала бусину у карлика и спрятала её себе в карман. Варя обиделась и сказала, что нельзя было этого делать, потому что карлик может разозлиться. А на следующий день она заболела.

– То есть выходит, что карлик мстит за пропажу? – догадалась Птичка.

– Так просто надо вернуть ему эту несчастную бусину! – предложил Лилле.

– Она пропала. Я обыскала всё. Нигде нет! – чуть не заплакала Вера.

– Прямо из кармана? – возмутился Лилле.

– Да...

– А что же Варя? – спросила Птичка.

– Ей очень плохо. Сильный жар, и она ничего не говорит. Хотя... когда ей ещё не было так плохо, она попросила положить ей под подушку одну книгу.

– Какую книгу? – спросила Птичка. – Может, я знаю? Скорее всего, я знаю!

– Нет, – ответила Вера, – не знаешь. Потому что у книги нет названия. Это просто сказки. Её любимые. Но у них есть автор. Варя рассказывала про него... он из Финляндии...

– Наверное, умны-ы-ый, – мечтательно протянула Птичка.

– Странно, – задумался Лилле, – зачем Варе понадобилась именно эта книга? Именно под подушкой, а не так, чтобы кто-то читал вслух?

– Может, она как раз и не хочет, чтобы её читали?

– Точно, Вера! – разгорячилась Птичка. – Ты, мне кажется – а мне всегда всё правильно кажется, – очень верно подметила. Определённо и без сомнения, есть какая-то связь между Вариной болезнью, карманным карликом, бусиной и этим Сказочником. Только какая?.. Этого я пока не могу сказать. Мы слишком мало знаем.

– Наша Птичка решила стать сыщиком! – пошутил Лилле.

Но Вера даже не улыбнулась. Наоборот, ещё чуть-чуть – и она бы заплакала. Чтобы слёзы предательски не выкатывались из глаз, она посмотрела на небо.

– А что-нибудь ещё можешь вспомнить? Хоть что-нибудь? – заволновалась Птичка.

Вера задумалась.

– Ещё... ещё я помню одно странное слово. Однажды мы с Варей забрались на холм, чтобы посмотреть на северное сияние. Тогда она и сказала: «Такое яркое сияние, совсем как на Растекайсе». Я спросила, где это. Но она ответила только, что это из сказки...

– А из какой сказки? И что за место? Ну, вспомни, вспомни!.. – заволновалась Птичка.

Вера пожала плечами.

– Может, посмотреть в той книге сказок, раз твоя сестра именно её просила? – предложил Лилле.

Но Вера сказала, что и сама думала об этом, только книга пропала, потому что её нигде нет и никто из домашних не знает, куда она делась!

– Я так и знала, так и знала! – заголосила Птичка. – Это ещё раз подтверждает мою мысль о том, что все наши аккомпанементы, то есть аккомпоненты... В общем, что книга, болезнь, карлик и Сказочник связаны невыразимой... хм-м-м... вернее, я хотела сказать, незримой... перевязью! То есть связью...

– Всё понятно, Птичка, не умничай, – сказал Лилле, – придумай лучше, что нам делать.

– Только надо торопиться. – И Вера решительно встала, отряхнув снег с длинной юбки. – Надо торопиться! – повторила она.